

В войске был объявлен сбор денег за перевоз – каждый должен был уплатить за свою доставку сюда. Очень многие утверждали, что не могут позволить себе полную сумму, так что сеньоры взяли с них столько, сколько те могли выложить. Тем не менее, когда сеньоры объявили о стоимости переправы каждого и каждый что-то внес, выяснилось, что собранных денег не только недостаточно для расплаты с долгом, но нет и половины необходимой суммы.

Все сеньоры встретились, чтобы обсудить ситуацию. «Венецианцы, – сказали они, – честно и благородно выполнили свои обязательства, даже превысив их. Но нас тут собралось слишком мало, чтобы, оплатив перевоз, мы смогли бы выполнить наши договоренности с ними. Вина за это лежит на тех, кто отправился в другие гавани. И посему, Бога ради, пусть каждый из нас выложит часть своих денег, чтобы мы смогли с честью выполнить данные нами обязательства. Для каждого из нас лучше отдать все свое достояние, нежели прослыть несостоятельными должниками и потерять все, что мы уже вложили в дело, так и не выполнив своих обязательств. Ведь если поход этот не состоится, то подмогу «заморской земле» не удастся оказать».

Предложение это было встречено шумным несогласием большей части сеньоров и прочих. «Мы заплатили за свой перевоз, – заявили они. – Если венецианцы согласны иметь с нами дело, мы готовы двинуться, а коли не желают, мы сами поищем другой путь». (Они так говорили потому, что им хотелось, дабы войско разошлось и все получили бы право вернуться домой.) А с другой стороны, меньшая часть сказала: «Мы предпочитаем лучше отдать все свое достояние и отправиться в поход бедняками, чем позволить, чтобы наш замысел постигла бы неудача. Ведь Господь наверняка возвратит нам наше с лихвой, коли ему будет угодно».

Сразу же после этой встречи граф Фландрский начал отдавать все, что имел, и все, что смог занять. То же сделал граф Луи, и маркиз де Монферрат, и граф Гуго де Сен-Поль, и все те, которые держали их сторону. Видели бы вы тогда, сколько было снесено во дворец дожа прекрасной золотой и серебряной утвари, чтобы произвести уплату, – это было сущее чудо. Все же до оговоренной суммы недоставало 34 тысячи марок серебра. Этим обстоятельством были весьма обрадованы те, которые приберегали свои деньги и не хотели ничего давать: теперь-то они не сомневались, что армия распадется и воины разойдутся. Но Бог, который подает надежду даже и в глубине отчаяния, не пожелал, чтобы таковое случилось.

В этот момент дож обратился к своим приближенным. «Сеньоры, – сказал он им, – эти люди не могут нам уплатить большего; а поскольку они теперь не в состоянии выполнить договор, заключенный с нами, мы имеем право удержать за собой то, что они уже уплатили. Тем не менее это наше право не было бы признано никем в мире. Поступи мы так, и мы, и наша земля навлекли бы на себя великий позор. Так что давайте предложим им условие».

Король Венгрии захватил наш (дож приврал – старинный далматинский город Зара (Задар), столица византийской провинции Далмация, с X века хорватский, затем хорватско-венгерский. Правда, в XI и XII веках некоторое время подчинялся Венеции, но освободился. В 1202 году дож Дан – доло просто использовал крестоносцев для нового захвата чужого. – Ред.) город Зара (Задар. – Ред.) в Славонии (Хорватии. – Ред.), один из самых укрепленных городов на свете. Каким бы могуществом мы ни обладали, нам никогда не вернуть его иначе, кроме как при содействии франков (т. е. французов. – Ред.). Предложим же им, чтобы они помогли нам вернуть его, и мы предоставим им отсрочку для уплаты 34 тысяч марок серебра, которые они нам должны, до тех пор, пока Господь дозволит нашим объединенным силам отвоевать их». Затем предложение было высказано вождям крестоносцев. Те, кто хотел, чтобы войско распалось, выдвигали многочисленные возражения. Но, несмотря ни на что, договор наконец был принят и утвержден.

Вскоре после этого в воскресенье в церкви Святого Марка сошлось большое количество людей. Присутствовали и граждане государства Венеция, и многие графы с крестоносцами. Перед началом торжественной мессы дож Венеции Энрико Дандоло взошел на амвон и обратился к собравшимся: «Сеньоры, отныне вы объединились с самыми лучшими и самыми отважными на свете людьми и ради самого высокого дела, которое кем-либо предпринималось. Я уже стар (р. 1108, следовательно, в 1202 году ему было 94 года. – Ред.), немощен и нуждаюсь в покое; к тому же здоровье покидает меня. Но тем не менее я вижу, что среди вас нет никого, кто мог бы управлять и повелевать вами в этом деле, как я, ваш государь. Если вы позволите, чтобы я взял крест, дабы оберегать и вести вас, и чтобы на моем месте остался мой сын и защищал бы страну, тогда я отправлюсь жить или умереть вместе с вами и пилигримами».

И когда венецианцы это услышали, то вскричали все в один голос: «Богом просим вас воз-